

МНИМЫЕ МЫТАРСТВА

Из КАРАГАНДЫ пришло письмо.

Чуть ли не на десяти страницах обстоятельно и последовательно изложил свою оскорбленную душу автор. Он, скромный художник, стал жертвой интриг. Пробовал отстаивать свою честь и достоинство, но только навлек на себя новые удары судьбы. Впрочем, гонения и мятарства испытывает не он один. Всесильные хозяйваз положения создали нетерпимую атмосферу для целого творческого коллектива. Они грубо попирают законы, несправедливо относятся к своим работникам. А те молчат, боясь сказать откровенное слово, молчат, чтобы не потерять должности.

Свое горестное письмо в редакцию автор заканчивает восклицанием: «Науэжи и газета промолчат!».

Нет, Анатолий Аняньвич, газета не промолчит!

Мы побывали в Караганде, встретились со многими работниками, которых вы упоминаете и не упоминаете в своем письме, вели с ними подробные беседы. То, что довелось нам услышать, представляет, по нашему мнению, известный общественный интерес. Своими соображениями мы и хотим поделиться с читателями.

«СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА»

В стр. 20 декабря 1960 г.

Общее впечатление от вашего письма можно сформулировать кратко: оно написано одной краской. Не верит Девалте посмортри. «Руководство театра игнорирует художественный совет». «Директор театра в разговоре со мной вел себя нагло». «Главный режиссер любит подхалимов и посредственных артистов, чтобы самому быть среди них «богом»».

Что и говорить, картина грустная. Почти как в захудалом провинциальном театре прошлого века, где безраздельно господствовал властолюбивый антрепренер.

Но так ли в Караганде!

Вот, скажем, художественный совет. Какие же вопросы обсуждал этот авторитетный орган в 1960 году? О текущем и гастрольном репертуаре. Планы выпуска спектаклей. Итоги выступления в Алма-Ате. О предстоящих гастролях на целинке. О тарификации актеров. Об итогах конкурса на замещение вакантных должностей. Иными словами, все, чем жил коллектив, выносилось на обсуждение совета.

Члены художественного совета свободно высказывали свои мнения, и они порой не совпадали с точкой зрения руководителей театра. Но коллективно принятые решения всегда утверждались директором и проводились в жизнь. Где же

тут «игнорирование» художественного совета?

Оставим на вашей совести, Анатолий Аняньвич, неострый отзыв о директоре. Как протекала беседа между вами, сейчас проверить невозможно. Но, если уж зашла речь об этом человеке, позволю и нам сказать кое-что.

Евгений Лукич Палещук вот уже четверть века живет в Караганде, его хорошо знают ветераны шахтерской столицы. Многие годы он находился на советской и профсоюзной работе. Ряд лет был директором крупнейшего в городе Дворца культуры горняков. И отсюда направлен обкомом партии и Министерством культуры республики в драматический театр.

Мы беседовали со многими работниками театра. По-разному отзывались они о директоре. Но все сходилось в одном — работает Палещук с душой, по-партийному, умеет найти подход к каждому.

Основной критический удар вашего письма направлен против главного режиссера. Мы вовсе не хотим представить его в ореоле святости и непорочности. Есть и у него свои слабости и недостатки.

Не малая забавка: за три непыльных года Подобед сумел сплотить актеров в дружный творческий коллектив, сумел так «настроить» большой чело-

веческий оркестр, что он зазвучал слаженно и уверенно. На недавних гастролях в Алма-Ате Карагандинский театр получил высокую оценку общестественности. Четырем его работникам — в том числе и Подобеду — правительство республики присвоило звание заслуженного артиста Казахской ССР.

По инициативе Подобеды два года назад при театре была открыта студия. Некоторые ее выпускники зачислены в труппу театра, а остальные успешнее руководят самостоятельными коллективами в домах и дворцах культуры. Занят и хлопот со студией не оборвавшись. Но главный режиссер с энтузиазмом ведет начатое дело.

Минушей зимой молодой народный театр города Темир-Тау готовил свой первый спектакль «Юность отца». Подобед добровольно вызвался помочь самостоятельным артистам. Он, молодой уже человек, в лютые морозы ездил на попутных машинах за десятками километров. Озябший и усталый, добирался до стронгелы Казахской Магитки в часам руководил из репетициями. А потом наредно оставался мочавать там же, во дворца культуры, так как метели занесли дорогу и машины не шли в Караганду.

И все это, заметьте, Анатолий Аняньвич, Подобед делал без единой копейки вознаграждения, от души. Вы, кажется, недовольно поморщились при упоминании о Темир-Тау! Вам явно не нравятся намеки на «копейки». Что ж, и тому есть всекие основания. Но расскажем обо всем по порядку.

Карагандинский театр проявил благородную инициативу — он решил оказать всестороннюю поддержку (и притом безвозмездно) молодому народному театру в Темир-Тау. Вы как художник тоже вызвались помочь самостоятельным артистам.

И «помогли». За художественное оформление спектакля в обход всяких хороших решений вы взяли с младших братьев несколько тысяч рублей. Возмущенному этой операцией коллективу вы, не моргнув глазом, заявили, что все сделано законно.

Финал этой истории известен. Партийная организация театра, в которую вы подали заявление о вступлении кандидата в члены КПСС, вернула вам заявление. И она же единогласно приняла в те дни свои ряды главного режиссера.

Так что же заставило Анатолия Аняньвича вступить в борьбу с директором и главным режиссером? Ларчик откровенности весьма прост. Работая в театре главным художником (и будучи притом художником хорошим), Анато-

лий Аняньвич по совместительству являлся также очередным режиссером. И, по общему мнению коллектива, режиссером посредственным.

В конце сезона 1959/60 года директор и главный режиссер довели это мнение до Анатолия Аняньвича.

Казалось, дело ясное. Анатолий Аняньвич останется главным художником. А на должность очередного режиссера будет приглашен человек, имеющий к тому призвание и специальное образование. Но не тут-то было! Анатолий Аняньвич поднялся на дыбы, и пошла писать губерния...

В конце своего письма в редакцию Анатолий Аняньвич делает унылый вывод: «Конечно, было бы приятно сообщить вам, что у нас все хорошо, благополучно и т. д. — но увы!».

Эра скорбите, Анатолий Аняньвич! Не знаем, как у вас, а у коллектива театра Дела все не так уж плохо.

Карагандинский драматический театр в последние годы регулярно выполняет финансовые и творческие планы. Укрепилась его кадра — а отличие от прежних лет после окончания сезона 1959/60 года из труппы ушли только два человека. Остальные актеры с энтузиазмом трудятся в любимейшем им шахтерском крае.

Интересен и разнообразный репертуар нынешнего сезона. В сложных условиях работает коллектив театра. Не имея собственного помещения, он дает лишь 1—6 спектаклей в месяц на сцене Дворца культуры горняков, а все остальное время играет на выездках. В дожди и бурян артисты едут за 20, 30, 40 и более километров — к шахтерам, металлургам, строителям, колхозникам. Трудно! Да, очень. Но люди не ропщут, не хнычут, а мужественно творят свое большое и нужное дело. Разве не заслуживают они за это хорошего, душевного слова!

Анатолий Аняньвич покидал пределы Караганды и отбыл в северо-западном направлении. Мы встретились с ним в канун этого памятного события.

Благообразный мужчина сидел в фойе Дворца культуры горняков. Монотонно и бесстрастно рассказывал он о своих мнимых мятарствах, о поисках попорченной правды. А мимо него проходили оживленные интервисты, весело говорили о своих творческих планах.

Вам не кажется, Анатолий Аняньвич, что вот так же миче вас прошла большая, интересная и кипучая жизнь в этом творческом коллективе? Подумайте об этом, приезжая в новый город!

В. ШАХОВИЧ,
сод. корр. «Советской культуры».

КАРАГАНДА—АЛМА-АТА